

Лит. газ. 1984 18 марта, № 12

В. КАВЕРИН

ИСКУССТВО СЛОВА

КОГДА я был студентом Института восточных языков в Ленинграде, я слушал лекции одного из самых выдающихся арабистов мира академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Я изучал тогда арабский язык, кончил институт, но впоследствии почти забыл язык, увлекшись русской литературой. Однако одна из глубоких мыслей Крачковского запомнилась мне и как бы сопровождала меня всю жизнь. Крачковский утверждал с полным основанием, с множеством неопровержимых примеров, что арабы относятся к своему языку как к предмету искусства. Именно эта черта кажется мне характерной для творчества Лескова. Эта черта прочно связана с поэтическим отношением к слову. Вот почему я считаю, что после Гоголя Лесков — первый поэт в русской прозе. Это не только мешало ему глубоко понимать то, что происходит вокруг. Для Лескова это ключ к познанию действительности. Его стилистическое разнообразие основано на такой разговорной естественности, на такой словесной изобразительности, что Лескова, по моему глубокому убеждению, невозможно перевести на иностранный язык без неисчислимых потерь.

Мне кажется, что в советской литературе эти черты характерны для прозы Зощенко. И недаром в далекие времена деятельности «Серапионовых братьев» немногие филологи из их числа сопоставляли его с Лесковым. Он отмалчивался. Между тем стоило бы отметить, что оба писателя, так тонко относившиеся к языку как предмету искусства, никогда не забывали и о занимательности —

могучем брудии литературы, которое, к сожалению, так часто остается в тени в наше время. Возьмите «Соборян» Лескова, и вы не оторветесь, хотя, казалось бы, каное вам дело до русского духовенства середины XIX века. Откройте «Перед восходом солнца» Зощенко, и вы забудете о всех делах и заботах, повинуюсь талантливой воле писателя, рассказывающего о том, что важно для него и для вас.

О Лескове невозможно сказать ничего существенного в нескольких словах. Его творчество поразительно многосторонне. Проницательный историк быта, он искал и находил исторические черты в событиях или характерах, на первый взгляд не имеющих никакого значения. В то же время он с необычайной силой приближает к нам исторические события, рисуя их так, как будто они происходили вчера («Человек на часах»). Современность и история для него почти равнозначны. Это глубоко окрашивает такие произведения Лескова, как «Очарованный странник», «Левша», «Колыванский муж». Он смело действует, когда надо дать читателю понять, что история преследует нас, шаг за шагом вплотную идя за нами.

Нельзя сказать, чтобы Лесков прожил счастливую жизнь. Но в одном отношении ему повезло. Он оставил сына, ставшего офицером Советской Армии, который помнил отца и превосходно написал о нем.